

Robert
Zaretsky

The Subversive
Simone Weil:

A Life
in Five
Ideas

University
of Chicago Press
2021

Роберт
Зарецки

Непокорная
Симона Вейль:

ЖИЗНЬ В ПЯТИ
ИДЕЯХ

Individuum
Москва, 2025

Перевод
с английского
Яны Марковой

УДК 929+128
ББК 87.3(4Фра)6-8
334

*Напечатано при содействии
агентства Александра Корженевского*

Зарецки, Роберт.

334 Непокорная Симона Вейль. Жизнь в пяти идеях
/ Роберт Зарецки; [пер. с англ. Я. Марковой под науч. ред.
В. Ефименко]. — М.: Individuum, Эксмо, 2025. — 256 с.

ISBN 978-5-04-218850-3

Ее называли современной святой и «покровительницей всех изгоев». Альбер Камю считал ее «единственным великим духом нашего времени». Пацифистка и участница гражданской войны в Испании, мистик и активистка рабочего движения, радикальная христианская мыслительница, принявшая крещение лишь незадолго до смерти. За этим потоком парадоксов скрывается удивительная цельность: в стремлении жить по своим идеалам она зашла дальше, чем кто-либо другой. Книга американского историка Роберта Зарецки раскрывает пять ключевых идей Симоны Вейль — несчастье, внимание, сопротивление, укоренение и добро — и показывает, почему сейчас, в эпоху спешки, шума и безразличия, они нужны нам больше, чем когда-либо.

УДК 929+128
ББК 87.3(4Фра)6-8

© 2013 by the President and Fellows
of Harvard College
© Яна Маркова, перевод с английского, 2025
© Марина Симакова, предисловие, 2025
© ООО «Издательство «Эксмо», 2025
Individuum®

ISBN 978-5-04-218850-3

Оглавление

Предисловие к русскому изданию	9
Предисловие	23
Введение	25
Глава первая. Сила несчастья	45
Глава вторая. Уделять внимание	77
Глава третья. Разновидности сопротивления	103
Глава четвертая. В поисках корней	151
Глава пятая. Добро, зло и Бог	200
Эпилог	233
Благодарности	239
Примечания	243

Посвящается Луизе

Предисловие к русскому изданию

Симона Вейль — персонаж, хорошо известный как западному, так и русскоязычному читателю. Ее тексты, включая переписку и дневники, издаются и комментируются, о ней снимаются документальные фильмы, ей посвящаются популярные лекции. Как творчество Вейль, так и ее судьба вызывают стабильный интерес, а более близкое знакомство с ними — сильный эмоциональный отклик. Вряд ли ее можно отнести к модным авторкам, но еще меньше — к авторкам позабытым или обойденным вниманием.

Тем не менее случаи, когда к Вейль обращаются не за вдохновением, а за аргументом, довольно редки. Укрепиться духом, ободриться примером, укрыться мудрой сентенцией — таковы, как кажется, читательские ожидания, которым обычно соответствуют ее сочинения. Сами же идеи, понятия, умозаключения словно повисают в воздухе, усту-

пая силе аффекта, причем аффекта морально окрашенного. Ее суждения о пороках и добродетелях столь категоричны, а стоящие за ними моральные стандарты будто бы столь высоки, что при случае можно услышать в них непреднамеренный укор. Неудивительно, что у некоторых чтение Вейль вызывает острое переживание стыда вперемешку с раздражением. В этом, например, признается сам Роберт Зарецки — автор интеллектуальной биографии Вейль, перевод которой вы сейчас держите в руках.

Тот факт, что слова Вейль запоминаются хуже, чем вызванный ими морально окрашенный аффект, нетрудно объяснить. При первом приближении его можно списать на религиозный характер ее мысли, по преимуществу христианской и чувствительной к этическим вопросам. С другой стороны, можно объяснить такую реакцию устройством нравственного переживания в современном мире. В мире вроде бы давно расколдованном, но не до конца, при этом мире морально требовательном, а также требующем от современного человека высокой психологической и телесной культуры. Совершенно непонятно, какому порядку в таком мире принадлежит совесть. Порядку души, тела, сознания или, наконец, бессознательного? Может, порядку алгоритмов соцсетей и потоков информации? Экзистенциальное беспокойство по поводу места совести могло бы объяснить вспышки моральной паники, которые мы наблюдаем сегодня повсюду — в общественной дискуссии, в судах и даже в риторике первых лиц государства. Точнее, объяснить глубоко аффективную природу нашей озабоченности общественной моралью и острой потребности в моральных ориентирах.

Несмотря на соблазн поразмышлять об этой потребности, я, возвращаясь к Вейль, ограничусь лишь двумя объяснениями не слишком пристального внимания к логике ее идей на фоне моральной чувствительности, сопровождающей чтение ее текстов. Эти объяснения в первую очередь увязывают историю рецепции Вейль с ее интеллектуальной биографией, то есть имеют непосредственное отношение к книге Зарецки.

Отправной точкой интереса к Вейль чаще всего оказываются сведения о ее жизни, столь же насыщенной, сколь и короткой. За свои тридцать четыре с половиной года она оказывалась на совершенно разных, но хрестоматийных ролях в том театре жестокости, которым, в сущности, и был европейский интербеллум, а также годы Второй мировой войны. Эмансипированная студентка из буржуазной семьи, участница марксистского кружка, работница французских фабрик, учительница народного университета, пропагандистка и агитаторша, журналистка анархо-синдикалистской прессы, боец (пусть и неудавшийся) с франкистскими отрядами, религиозный мистик, участница Сопротивления, бежавшая от нацистов еврейка, уморившая себя голодом... Вейль воплощает собой опыт доброй части короткого XX века, причем части самой интенсивной; через нее будто можно потрогать саму историю. Иными словами, ее биография стимулирует историческое воображение, оттягивая на себя то внимание, которое в ином случае могло бы достаться ее размышлениям. Вейль здесь в первую очередь выступает персонажем и только во вторую — писательницей. При этом читатель примеряет на себя не только историческую ситуацию,

в которой оказывалась Вейль (точнее сказать, ситуации), но и сделанный ею жизненный выбор.

Вторая причина несколько легковесного восприятия ее идей на фоне занимательной биографии состоит в обманчивой ясности ее текстов. Это ощущение представляет собой эффект ее афористичной речи, которая при всей кажущейся доступности может оставаться довольно загадочной. С одной стороны, размышляя о чем-то, Вейль часто впадает в парадокс и фиксирует его в качестве тезиса, то есть окончательной истины. Во-вторых, организуя свои высказывания как логические суждения, она нередко полагается на образы, а образы нам воспринимать легче, чем термины. Иногда эти образы несут концептуальную нагрузку, будучи заимствованными, скажем, из евангельской традиции или даже математического словаря. Афористичный стиль особенно характерен для ее более известных поздних сочинений, читая которые можно долго медитировать над фразами вроде: «Чтобы найти силы для созерцания несчастья изнутри него самого, нужен хлеб сверхъестественный».

Интересно, что тексты, опубликованные при жизни Вейль, как правило, были менее афористичны. Это лаконичные статьи, полемические заметки, доклады об условиях труда на французских предприятиях, очерки о рабочей жизни, обзоры вышедших книг, политические комментарии в разнообразных изданиях преимущественно левого толка. Все это — материалы на злобу дня, большинство коих было посвящено рабочему (или социальному, как его сперва называли в романских странах) вопросу. Они были аналитичны, манифестарны, внимательны к фактуре и обладали очевидной политической прагматикой, которую к тому моменту

задавало рабочее — и в первую очередь синдикалистское — движение. Пик ангажированной публицистики Вейль пришелся на первую половину 30-х годов.

Большинство изданий Вейль, которые сегодня можно раздобыть в книжных магазинах, состоят из текстов, собранных и выпущенных в свет уже посмертно. Нередко это сборники, в которых мысли, фрагменты и конкретные работы организованы по определенному — внешнему по отношению к оригинальному расположению текстов — принципу. В любом случае, это литература совсем иного рода, мало похожая на статьи в ангажированной прессе — дневниковые записи, заметки в тетрадях, переписка со значимыми собеседниками. Если прижизненные публикации в газетах и журналах были ориентированы на широкую аудиторию, то доступные нам сегодня сборники, как правило, состоят из текстов интимных и при этом исполненных религиозно-философского вопрошания.

В строгом смысле все эти произведения стоит назвать не философскими, а скорее философичными. Они несомненно выдают философское беспокойство Вейль, ее интерес к фундаментальным вопросам бытия и культуры, наконец, вкус к логическому мышлению. Однако отнести их к какой-то традиции, будь то школа, методология или дисциплина, проблематично. Кто-то найдет в ней черты экзистенциализма, кто-то — гуманизма. При этом вполне справедливо будет вписать ее в линию французских авторов, предпочитавших не столько решать философские задачи, сколько фиксировать свои «Опыты» и «Мысли», то есть линию, что тянется от Монтеня и Паскаля вплоть до бесчисленного количества современной франкофонной эссеистики. Индуизм и геометрия, античная поэзия

и социальная теория, марксизм и христианская догматика — все это интересовало Вейль одновременно и служило, как кажется, только одной цели: внимательно вглядываться в то, как складывается жизнь, познать которую, в свою очередь, можно только испытав на себе различные способы ее вести, в том числе самые незавидные и неприглядные.

Интеллектуальную всеядность Вейль, оборотной стороной которой практически всегда оказывается бессистемное чтение, можно воспринимать как своего рода бунт. Она и вправду не могла терпеть формальной дисциплины, то и дело находя возможность ее нарушить или оспорить, особенно если дело касалось интеллектуального труда и работы со знанием. Показательно, что это отношение она пронесет сквозь годы: как ограничения, так и требования школьной программы она игнорировала и в качестве ученицы, и уже позднее — став учительницей. Жак Кабо, один из первых биографов Вейль, ссылается на следующий эпизод. Однажды к ней на занятия явился школьный инспектор (Симона преподавала философию, историю, греческий язык и факультатив по истории науки). Увиденное его обеспокоило, чем он и поделился с Вейль. По его разумению, ее уроки были довольно сложны для понимания и потому бесполезны — они никак не помогали ученицам успешно выдержать выпускной экзамен. Вейль отреагировала на его комментарий так: «Мсье инспектор, меня это не волнует».

В этом эпизоде можно прочитать многое: и нежелание подчиняться далеким от совершенства правилам, и пренебрежение административными санкциями, и заявку на интеллектуальную и профессиональную автономию. Однако важно обозначить одну из причин пренебрежительного

ответа, которая кроется вовсе не в темпераменте молодой учительницы. Речь идет о той важности, которую она придавала обучению, требующему трудового усилия и внимания одновременно (и то, и другое было первоочередным предметом философской заботы Вейль). Для нее труд в своем предельном, то есть философском, смысле не определяется внешним по отношению к себе результатом, пускай человек и вовлекается в него, повинувшись необходимости. Ценным, наиболее интенсивным смыслом для Вейль обладает именно трудовой процесс, при этом сам труд она считала не только и не столько наказанием за грехи и проклятием рода человеческого, сколько благословением. Внимание, в свою очередь, она полагала духовным упражнением, культивирующим не столько сосредоточенность на объекте, сколько абсолютную открытость воспринимаемому предмету. Неслучайно школьное упражнение она уподобляла священнодействию.

И все-таки непокорность, которую Вейль продемонстрировала в эпизоде с инспектором, удерживает на себе внимание. Недаром именно эта характеристика вынесена автором в название ее интеллектуальной биографии. Это название, как кажется, не только идет своей героине, но и схватывает нечто важное в ее мышлении и характере. Только вот как все-таки ее непокорность сочеталась с христианским смирением? Как это сочетание работало в ее мысли о Боге и человеке, об учителе и рабочем, об общем равенстве и индивидуальной свободе? В книге Зарецки, которую предваряют мои замечания, можно поискать ответы на эти вопросы, а еще ознакомиться с ключевыми для нее идеями, образующими целые конstellации смысла — укорененность, несчастье, сопротивление и пр. Мне же